

А. СКАБИЧЕВСКИЙ

М. Горький. Очерки и рассказы

Два тома. СПб., 1898 г.

I

У г. Горького во всех до сих пор появившихся произведениях мы видим свою особенную специальность, свой жанр. Г. Горький является перед нами поэтом босой команды, людей бездомных, удалых головушек, вечно бродящих из города в город, беззаботно пропивающих те последние несколько грошей, какие им удалось заработать вчера, и, как птицы небесные, не думающих о том, что с ними будет завтра.

Он несколько напоминает в этом отношении покойного Левитова в позднейших произведениях последнего — «Крым», «Грачевка», «Беспечальный народ», «Не сеют, не жнут» и пр., где Левитов, в свою очередь, имеет дело с толпою босяков, бездомных пропойц и всякого рода русского городского пролетариата¹. Но между картинами Левитова и Горького мы видим все-таки большую разницу. Вы не найдете в последних того мрачного, безнадежного пессимизма, каким преисполнены очерки Левитова. Левитов скорбит и о своих героях, и о самом себе, при сознании своего в них разочарования, и не видит впереди ни малейшего просвета. Чем-то болезненно-надломленным, безнадежным веет от очерков Левитова, принимающих порою характер бреда *delirium tremens**.

У г. Горького вы не найдете и следа ни субъективности, ни излишнего лиризма. Это писатель в высшей степени объективный; в то же время он представляется нам в большей степени

---

* горячечного (лат.). — Ред.

художником, чем Левитов, и во внешней технике произведений, и в их внутреннем содержании.

Так, вы не найдете в его очерках ни той клочковатости, неуклюжества, неоконченности, какими отличаются очерки Левитова; нет в них и многословия последнего, ни тех лирических чувствозлияний, которые заставляли автора «Степных очерков» порою совсем забывать и о своих героях, и о всех их приключениях. Каждый рассказ г. Горького представляет собою нечто законченное, содержащее в себе драматический сюжет, цельный, стройный, гармонический, развитой. В то же время г. Горький словно задался доказать нам своими произведениями, что художественность и тенденциозность не только не мешают одна другой и не задевают одна другую, а, напротив того, могут идти рука об руку, помогая друг другу и усиливая и значение произведения, и производимое им впечатление.

II

В то же время, как я уже сказал выше, в произведениях г. Горького вы не найдете и тени того уныния и отчаяния, какими преисполнены очерки Левитова. Как ни мрачны трагические сюжеты, лежащие в основе почти каждого рассказа г. Горького, вы все-таки выносите из них чувство бодрости и нравственного примирения. И все это потому, что перед вами не толпа безнадежно погибших полу-людей, полу-зверей, а просто люди, задавленные обстоятельствами жизни, которые на самых низших ступенях своего падения все-таки сохраняют образ и подобие Божие и думают и говорят так же, как и мы с тобой, читатель, воображающие себя светилами прогресса, и в каждом вы замечаете искру любви и правду, готовую, при благоприятных обстоятельствах, загореться всепожирающим пожаром. При всей своей объективности г. Горький любит своих несчастных героев и, тщательно анализируя их до самой сокровенной глубины их душ и сердец, порою незаметно увлекаясь, идеализирует их и, идя по этой скользкой, наклонной плоскости, впадает в единственный недостаток — заставляет своих героев произносить такие слова и речи, которые, очевидно, не в силах произнести люди малограмотные и малоразвитые, вроде, например, такой речи в устах простого крымского цыгана Макара Чудры.

«Что ж он (т. е. «мужик») родился затем, что ли, чтобы поковырять землю да и умереть, не успев даже и могилы самому

себе выковырять? Ведома ли ему воля? Ширь степная понятна? Говор морской волны веселит ему сердце?»

Простые русские люди произносят подчас чрезвычайно поэтические фразы — стоит только порыться в комедиях Островского, чтобы найти таких фраз обилие. Но в то же время эти фразы исполнены своеобразного народного духа, и не найдете в них и следа книжности. «Говор же морской волны, веселящей сердце», выражение, вполне естественное под пером г. Горького, режет ваше ухо в устах грубого цыгана.

В подтверждение своих замечаний о произведениях г. Горького я намерен остановиться на некоторых из них, которые меня наиболее поразили.

III

Так, прежде всего мы обратим внимание на рассказ «Челкаш», который можно назвать одним из лучших перлов русской литературы по своей поэтической прелести, драматизму и глубокому содержанию. Героем его является Гришка Челкаш, старый травленный волк, заядлый пьяница и ловкий, смелый вор и контрабандист в одном из южных черноморских портов. Босой, в старых вытертых плисовых штанах, в грязной ситцевой рубаше, с разорванным воротом, открывавшим его подвижные, угловатые, сухие кости, обтянутые коричневой кожей, длинный, костлявый, немного сутулый, он сразу обращал на себя внимание своим сходством со степным ястребом, своей хищной худобой и прицеливающейся походкой, такой же плавной и покойной с виду, но внутренне возбужденной, зоркой, как полет злой, нервной птицы, которую он напоминал.

Челкашу предстояла ночью очень выгодная контрабандная кража, как вдруг товарищ его, Мишка, сломал себе ногу, а одному Челкашу трудно было справиться с делом, и он бесцеремонно завербовал себе первого встречного на улице, деревенского парня Гаврилу, пробиравшегося домой с летних заработков. Парень был широкоплеч, коренаст, рус, с загорелым, обветренным лицом и с большими голубыми глазами, смотревшими доверчиво-добродушно. Отец у него умер, осталась на руках мать-старуха; земля была вся истощена, и решил он идти в зятя в хороший дом, надеясь, что тесть выделит дочку. Но тесть не захотел выделить; приходилось Гавриле годы быть у него батраком. Надумал он пойти на Кубань рублей двести сработать там и встать на ноги при помощи их; но и это не выгорело.

Цены за покос на Кубани были сбиты вследствие избытка пришедших рабочих, и пришлось Гавриле возвращаться домой почти с пустыми руками.

IV

Вот его-то, случайно встретив на улице, нанял Челкаш себе в помощники. Они поехали на лодке с целью кражи тюков с шелком, причем Гаврила греб, а Челкаш сидел на руле. Путешествие было полно опасностей на каждом шагу. Гаврила умолял, чтобы Челкаш высадил его на берег. Челкаш издевался над его трусостью, но в то же время простые мужицкие речи Гаврилы о деревенской жизни привели сердце его в крайнее умиление. Перед ним воскресли картинки далекого прошлого, он вспоминал себя ребенком, вспомнил отца, мать, видел себя женихом и видел жену — черноглазую Анфису, и пр., и пр. Он чувствовал себя овеванным ласковой струей примиряющего воздуха родной страны, донесшегося до его слуха, и ласковые слова матери, и солидные речи исконного мужика-отца, и много забытых звуков, и много сочного запаха матушки-земли, только что оттаявшей, только что вспаханной и только что покрытой изумрудным шелком озими... И он чувствовал себя сбитым, упавшим, жалким и одиноким, вырванным и выброшенным навсегда из того порядка жизни, в котором выработалась та кровь, что течет в его жилах.

Эти чувства так умилили Челкаша, что когда дело их увенчалось успехом, — Челкаш выкрал несколько тюков шелку и в ту же ночь продал их за пятьсот сорок рублей, — он отдал все их Гавриле, когда тот при прощании с ним на берегу моря бросился ему в ноги и просил его осчастливить, уделивши ему хоть двести рублей из вырученных денег. Каково же было и удивление, и негодование Челкаша, когда Гаврила тут же сознался ему, что при возвращении он боролся с мыслью убить Челкаша ударом весла, ограбить и выкинуть за борт лодки. — Кто, мол, его хватится? И найдут — не станут допытываться: как, да кто убил, да и не такой человек, чтобы из-за него шум подымать; не нужный он на земле!.. Кому за него встать!

Тогда между ними завязалась смертельная борьба. Челкаш бросился на Гаврилу и отнял у него деньги; Гаврила же кинул вслед ему камень, сильно ранил его в голову и оглушил до беспомысленности, но сам, по своему крестьянскому добродушию,

ужаснулся своему поступку, и, когда Челкаш очнулся, начал валяться у него в ногах, прося прощения. Челкаш обозвал его гнусом, заметив, что и блудить-то он не умеет и, с усилием подняв его голову за волосы, сунул ему деньги в лицо. «Бери, бери, — сказал он при этом: Не даром работал, чай, бери, не бойсь! Не стыдись, что человека чуть не убил! За таких людей, как я, никто не взыщет. Еще спасибо скажут, как узнают. На, бери; никто ничего не узнает о твоём деле, а награды оно стоит. Ну, вот!»

Челкаш пошел, пошатываясь и все поддерживая голову ладонью левой руки, а правой подергивая свой бурый ус, Гаврила же снял свой мокрый от дождя картуз, перекрестился, посмотрел на деньги, зажатые в ладони, свободно и глубоко вздохнул, спрятал их за пазуху и широкими твердыми шагами пошел берегом в сторону, противоположную той, где скрылся Челкаш.

V

Вообще, уменье раскрывать перед нами потрясающие драмы и трагедии, незаметно скрывающиеся в мелочах повседневной жизни, проходит сквозь все рассказы г. Горького.

В только что разобранным нами рассказе все-таки разыгрываются трагические страсти, доводящие людей до смертного боя, но что, по-видимому, драматичного в том, что разъевшийся купчина-мельник Павел Тихонович, соскучившийся монотонною жизнью на мельнице, лишенный малейшего духовного интереса, отправился в город развеять свою тоску, но в городе случайно набрел на похороны интеллигентного труженика, двадцать лет неустанно трудившегося на пользу людей и умершего от истощения непонятым, неоцененным людьми, в полном одиночестве, в больнице. Павел Тихонович еще больше заскучал, выслушавши речь на могиле покойного, бросился было искать ответов на возникшие в нем проклятые вопросы к корреспонденту-учителю, обличавшему в газетах его плутни, и, в конце-концов, напился до положения риз в городском трактире с какими-то темными личностями. Вот и все содержание повести². Как видите, ничего трагического в ней нет, а между тем вам становится жутко, когда вы читаете ее, страшно за человека и вместе с тем отрадно, что даже и в заскорузлой душе какого-нибудь Кита Китыча теплится огонек, который может быть раздут при благоприятных обстоятельствах. В

этом-то главным образом и заключается сила таланта, чтобы раскрыть перед читателями трагическое в комическом и пошлом и заставить читателя почувствовать ужас перед тем, чем мелкий талант способен возбудить один легковесный смех.

У г. Горького есть рассказ «Зазубрина», в котором трагической жертвою является жалкий рыжий котенок, и тем не менее читатели бывают потрясены смертью котенка несколько не менее, чем если бы погиб перед их глазами заправский трагический герой.

Все содержание рассказа заключается в том, что среди угрюмых арестантов, гулявших на тюремном дворе, оказался веселый человек Зазубрина. Всегда хохотавший, подвижной и шумный, он был кумиром тюрьмы; его всегда окружала толпа серых товарищей, и он смешил и развлекал ее разными курьезными выходками, скрашивая своим искренним весельем тусклую, скучную тюремную жизнь.

Кроме Зазубрины в тюрьме был еще один фаворит — рыжий толстый котенок, избалованное всеми, игривое животное. Выходя на прогулку, арестанты каждый раз отыскивали его где-то и подолгу возились с ним, передавая его с рук на руки, бегая по двору за ним и позволяя ему царапать их руки и рожи, оживленные этой игрой с баловнем.

Когда на сцену являлся котенок, он отвлекал внимание от Зазубрины, и последний не мог быть доволен этим предпочтением. Зазубрина был в душе артист и, как артист, непомерно таланту самолюбив. Когда его публика увлекалась котенком, он оставался один, садился на дворе где-нибудь в уголке и оттуда следил за товарищами, забывшими его в эту минуту. Казалось неизбежным, что Зазубрина убьет котенка при первом же случае, и это не замедлило случиться. Однажды, когда арестанты увлеклись котенком, оставив Зазубрину в стороне, последний, чтобы привлечь их внимание к себе, предложил им выкрасить котенка в зеленую краску, оставленную малярами во дворе. Сказано и сделано. Зазубрина опустил котенка в ведро с краской с разными стихотворными прибаутками и увлек арестантов своим шутовством; они много смеялись над затеей Зазубрины, но, когда отравленный медянкой котенок начал околевать, это возбудило в них такую реакцию, что они избili Зазубрину до полусмерти. Таково все содержание рассказа. Перед нами мелкий случай тюремной жизни, тем не менее он так талантливо рассказан г. Горьким, что производит на читателя потрясающее впечатление.

VI

В последние двадцать лет немало было толков в нашей печати об антагонизме деревни и города, о различии деревенской и городской нравственности, и во всех этих толках немало было и недоговоренного, и переговоренного, а иногда и лишнего всякой основательности. Особенно в этом отношении грешили художники, по самой натуре своей склонные к преувеличениям и односторонностям.

Возьмите, например, хотя бы «Власть земли» Гл. Успенского. В очерках, посвященных этой самой «Власти земли», проводится, как всем известно, та идея, что крестьянин находится в полной зависимости и кабале у той земли, которую он обрабатывает; что он до тех пор и нравственен, пока сидит на земле и трудится, а чуть сошел с земли, тотчас же теряет под ногами всякую почву и делается вроде свиньи. Для примера выставляется крестьянин Иван Петров, который, получивши хорошее место на железной дороге, изленивается, спивается и доходит до полной деморализации, но едва возвращается в деревню, принимается за соху, вновь исправляется и делается примерным мужиком.

Сказать, чтобы это была ложь, мы не имеем основания; тем не менее это такая правда, которая может привести читателя к ряду заблуждений, так как в настоящем случае она отнесена исключительно к одним крестьянам, между тем как на самом деле она применима ко всем людям. Иван Петров развратился вовсе не потому, что нравственность его зависела исключительно от мистической силы земледельческого труда, а от растлевающего влияния всякой даровой и легкой наживы на кого бы то ни было. Вместо крестьянина, закабаленного землею, поставьте фабричного рабочего, пригвожденного к ткацкому станку, портного, пришитого к своему верстаку, и даже конторщика, прикованного к конторке, — все они являются в положении Ивана Петрова и про всех их можно сказать одно и то же: до тех пор трудовой человек и нравственен, пока все его силы и время заняты трудом, а едва он сходит на почву дешевой и легкой наживы, он неминуемо развращается. Самая же перемена труда одного на другой, равносильно тяжелый, не только не может действовать развращающим образом, а, напротив, бывает порою весьма благоприятна в этом отношении. Так, например: неужели же неминуемый разврат должен угрожать тем крестьянам, которые, видя, что их земля совсем не родит, принимаются за какое-нибудь кустарное производство, отхожий

промысел, или же, чувствуя в себе призвание, делаются живописцами, поэтами? Неужели же и про Кольцова мы должны сказать, что он до тех пор и человеком был, пока пас в степи волов своего отца, а как сдружился со Станкевичем и Белинским и сделался поэтом, вместе с тем стал свиньей?

VII

Читатель возразит мне на это, что не один Гл. Успенский в своей «Власти земли», а и многие другие беллетристы изображали развращающее влияние города и фабрики на народ. Вот и у г. Горького, напр<имер> в его рассказе «Мальва», тоже в свою очередь изображен крестьянин Василий Легостев, который отправился из деревни на Черное море в отхожий промысел, нанялся караульщиком на передовом посту рыбных ловлей купца Гребенщикова и если не развратился в конец, то во всяком случае обзавелся разбитной гуляющей девкой Мальвой, на которую сам смотрел как на баловство, говоря, что в деревне баба — нужный в жизни человек, а на промысле она живет только для одного греха. И замечательно, что говорил этот самый Василий Легостев своему сыну Якову словно целиком из «Власти земли» Гл. Успенского:

— «Крестьянин землю крепок; пока он на ней — он жив, а сорвался с нее — пропал! Крестьянин без земли, как дерево без корней: в работу оно годится, а прожить долго не может — гниет! И красоты своей лесной нет в нем, обглоданное оно, обструганное, невидное!»

В конце концов Василий бросает и выгодное место на промысле, и красавицу Мальву и идет в деревню набираться в ней нравственных сил. Но и здесь, в свою очередь, виною временного нравственного падения Василия является вовсе не то обстоятельство, что он променял крестьянский труд на рыбный промысел; ведь не развращаются ни архангельские, ни ильменские, ни уральские рыбаки потому только, что они не пахнут, а рыбу ловят.

Причины деморализации Василия и здесь следует искать не в самом труде, а в его условиях. В то время, как дома в деревне Василий привык работать с утра до поздней ночи, не покладая рук, — у купца Гребенщикова весь труд его состоял в том, что по целым часам он лежал на морском берегу и грелся под горячими лучами южного солнца, и за это получал вдвое или втрое

больше, чем сколько мог заработать каторжным крестьянским трудом. Поневоле он задурил с легких хлебов на досуге.

Точно так же крестьянин Гаврила в рассказе «Челкаш» чуть не сделался убийцей не потому только, что он ушел из деревни на заработки, а по той причине, что у него внезапно и нечаянно явилась возможность даровой наживы в виде нескольких сотен рублей, полученных Челкашем, и у него закружилась голова. Точно также и исконные, зажиточные крестьяне, живущие исключительно земледельческим трудом и никуда не выезжавшие из пределов своей деревни, расположенной где-нибудь на большом сибирском тракте, возьмут да и прирежут купца с деньгами, остановившегося у них на ночлег.

Такие злодейские деньги все равно не замедлят развратить крестьянина, хотя бы он и не отходил от сохи. Точно также и относительно Гаврилы: хотя он и не убил Челкаша, а получил от него деньги даром, можно, наверное, сказать, что деньги эти впрок ему не пойдут: он или пропьет, не дойдя еще до дому, а если не пропьет, то сделается отвратительным кулаком и других будет спаивать в качестве кабатчика.

VIII

Я убежден в том, что найдутся читатели, которые, видя, что некоторые герои г. Горького относятся к крестьянам с презрением и негодованием, воображая себя в нравственном отношении выше их, — подумают, что Горький представляется по своим убеждениям чем-то вроде нео-марксиста.

Но это было бы большое заблуждение. Если бы он был марксистом, мы могли бы ждать от него некоторой идеализации фабричных рабочих на счет деревенских мужиков; но ничего подобного в рассказах его мы не встречаем. Фабричного быта г. Горький вовсе не касается. Судя по тому, что он выставляет городских ремесленников людьми искалеченными и находящимися в такой же кабале у своего труда, как и крестьяне, надо полагать, что и о фабричных рабочих он не может быть особенно высокого мнения, так как и они, в свою очередь, в его глазах должны представляться не иначе как обезличенными рабами механического труда. Нет, не таковы герои, которые являются в рассказах г. Горького наиболее симпатичными. Они совершенно выходят из круга каких бы то ни было политико-экономических доктрин. От них и не пахнет тем, что на Западе известно под именем пролетариата.

Перед нами явление самобытно-русское, исконно историческое, подобное которому в настоящее время вряд ли можно найти где бы то ни было в Европе, кроме разве южных окраин Испании, Италии, Греции и Балканского полуострова.

Явление это есть не что иное, как страсть к бродяжничеству, показывающая, что народ наш и до сих пор еще не дошел до полной оседлости. Бездомный, шатающийся по всей матушке России — бродяга, который ничем не дорожит и ничего не боится, и до последнего времени представляется в глазах народа чем-то

идеальным, в силу чего народ относится к бродягам с особенным почетом и уважением; мирволит им, укрывает их, даже слагает в честь их песни, смешивая их с древними богатырями. Вот что говорит по этому поводу большой знаток русской народной жизни известный этнограф С. В. Максимов³: «*Может быть, главные причины покровительства и защиты бродяг в путешествии лежат именно в той тоске о памяти времен “шатания” — тоске, которая до сих пор громко сказывается и сильно заявляется в бесчисленном множестве видов бродяжества. Значительная часть их обусловлена даже коренным законным дозволением, и самая большая половина обессилила закон и живет помимо его, прочно и крепко. Бродяжеством жила Русь далеко после тех времен, когда сплотили ее в государство; бродягами расширила она свои пределы и ими же отстояла свою независимость от кочевых орд, напиравших на нее с востока и юга. Бродяги колонизовали Север, завоевали Сибирь, населили Дон и Урал, когда еще это слово не получило настоящего своего значения и нынешние бродяги носили название “гулящих, пришлых, вольных людей”. Не умалило это народное коренное свойство искать способных и выгодных мест на свободном и широком раздолье земли своей и Московское государство, когда ослаблено было экономическое и государственное значение Филиппова заговенья и уничтожен крестьянский выход на Юрьев день. Бродяжество, как вольный переход с одних земель на другие, и теперь живет в народе на всех путях, хотя и под другими именами, с иными оттенками*»^{*}. Мы видим, что даже в интеллигентных кругах общества издавна лелеялся беллетристический, в свою очередь, идеал бездомного шатуна. В самом деле, что такое представляют собою все так называемые герои времени, — Евгений Онегин, Печорин, Бельтов, Рудин, Базаров, Марк Волохов — как не в своем роде ин-

* С. Максимов. Сибирь и каторга. Том II. С. 195.

теллигентных бродяг, и обратите внимание, что всем этим интеллигентным бродягам наиболее сочувствовали современные читатели, в то же время как героини постоянно предпочитали их буржуазно добродетельными Ленским, Круциферским, Волынцевым, Лежневым и пр.⁴

IX

Таким образом, в предпочтении г. Горьким бездомных героев каким бы то ни было добродетельным и вседозволенным, катающимся как сыр в масле, скопидомам, — все равно, будь они крестьяне или городские капиталисты, смешно и видеть что-нибудь нео-марксистское. В таком случае следовало бы всю русскую литературу начиная с «Евгения Онегина» Пушкина, подвести под тот же знаменатель. На самом же деле г. Горький остается лишь верным тому исконно народному идеалу, который одинаково присущ и творениям безличного народного творчества, каковы: былины, сказки, разбойничьи песни, и классическим произведениям первостепенных русских писателей истекающего столетия: Пушкина, Лермонтова, Тургенева и пр.

До какой степени увлекается г. Горький этим идеалом, мы можем судить по тому, что он не ограничивается изображением одних русских босяков, вроде Челкаша, Озорника, Орлова, Коновалова и т. п., а выводит в лице Макара Чудры идеального цыгана, соперничая в этом отношении с Пушкиным. Идеализируя свое скитальчество, этот самый Макар Чудра говорит:

— «Смешные они, те твои люди. Сбирались в кучу и давят друг друга, а места на земле вон сколько, — он широко повел рукою в степь. — И все работают. Зачем? Кому? Никто не знает. Видишь, как человек пашет, и думаешь: вот он по капле с потом силы свои источит на землю, а потом ляжет в нее и сгниет в ней. Ничего по нем не останется, ничего он не видит со своего поля и умирает, как родился, дураком. Что же, он родился затем, что ли, чтобы поковырять землю, да и умереть, не успев даже могилы самому себе выковырять? Ведома ему воля? Ширь степная понятна? Говор морской волны веселит ему сердце? Эге! Он раб, как только родился, и во всю жизнь раб, да и все тут! Что он с собой может сделать? Только удавиться, коли поумнее немного! А я, вот смотри, в пятьдесят восемь лет столько видел, что коли написать все это на бумагу, так в тысячу таких торб, как у тебя, не положишь. А, ну-ка, скажи, в

каких краях я не был? И не скажешь. Ты и не знаешь таких краев, где я бывал. Так нужно жить — иди, иди и все тут. Долго не стой на одном месте — чего в нем? Вон, как день и ночь вечно бегают, гоняясь друг за другом, вокруг земли, так и ты бегай от дум про жизнь, чтоб не разлюбить ее. А задумаешься — разлюбишь жизнь: это всегда так бывает. И со мною это было. Эге! Было, сокол».

И далее Макар Чудра рассказал автору про еще более идеального цыгана Зобара, который так любил свою волю, что всадил нож своей любимой девушке, красавице Радде, когда убедился, что ему грозит опасность изменить своей воле ради нее.

Не ограничиваясь цыганами, г. Горький выкопал откуда-то молдаванку, старуху Изергиль, которая заткнула за пояс удалством своей скитальческой жизни всех прочих выведенных г. Горьким бродяг обоего пола.

В обоих этих рассказах много поэзии, но во всяком случае это юный пересол, от которого не мешало бы г. Горькому воздержаться. Я убежден, что впоследствии, в более зрелом возрасте, он будет стыдиться этих рассказов за их излишний мелодраматизм.

X

«ВАРЕНЬКА ОЛЕСОВА»

Как и все очень талантливое, этот рассказ г. Горького поражает вас жизненностью, свежестью и, если хотите, своего рода новизной. Вы привыкли, конечно, к тому, чтобы свободомыслящие писатели выводили прогрессивных и передовых героев — одаренными непременно самую высокопробную нравственностью и, наоборот, людей ретроградного образа мыслей наделяли всеми семью смертными пороками. Не пьющие, не курящие и в карты не играющие герои прогрессивного настроения обязательно должны, подобно Иосифам Прекрасным, в ужасе убегать от жен Пентефриев; пускающиеся же во все тяжкие ретрограды обязаны только и делать, что возделеть, подглядывая, подобно библейским старичкам, за купающимися Сусаннами⁵.

В действительности это бывает не так. Характер и бесхарактерность, нравственность и безнравственность, ригоризм и распущенность, честность и подлость, эгоизм и альтруизм далеко не всегда находятся в полной гармонии с убеждениями человека и, несколько от них не завися, влекут человека совсем в

противоположную сторону, вопреки требованиям исповедуемого катехизиса. Тут действует и наследственность, и хорошее или дурное воспитание, и среда, и масса иных условий жизни, которые образуют характер человека, движут его волею и руководят его действиями, помимо убеждений, которыми он красуется. Последние являются часто лишь роскошными вывесками, нисколько не мешающими магазинам заключать в себя невообразимую дрянь и гниль.

XI

Рассказ г. Горького тем именно и хорош, что он смело отступает от этой беллетристической рутинны. В нем представляется та ирония или игра жизни, в силу которой очень часто под блестящею прогрессивною внешностью таится полное нравственное растление и, наоборот, жалкая неразвитость и темное невежество скрывают в себе драгоценные перлы обновления человечества. Сюжет рассказа г. Горького весь построен на подобном *qui pro quo* *.

Герой рассказа Ипполит Сергеевич Полканов принадлежит, мало сказать, к передовым слоям общества, но в передовых-то слоях занимает место сливок этих передовых слоев. Перед нами не просто прогрессист, а в некотором роде светоч прогресса, так как герой является приват-доцентом в одном из провинциальных университетов. Нужно ли и говорить о том, что прогрессивные убеждения Полканова, представляя последнее слово науки и жизни, безукоризненны. Сам он считает себя воплощенным идеалом человека, готового все свои силы пожертвовать на благо народу и при случае принести на алтарь своей религии даже и свою драгоценную голову, наполненную обширными знаниями. Но пока случай этот еще не представился, идеальные стремления и прекрасные убеждения нисколько не мешали герою нашему сытно есть, сладко пить и пользоваться всеми благами жизни. Относительно же успеха среди женщин, они пока что разыгрывали роль разноцветного хвоста индейских петухов и павлинов. Распустит Полканов свой прогрессивный хвост и начнет горделиво выступать вокруг павы: го-го-го, го-го-го!, а павя слушает его и только млеет: ах, сколько у него этого самого альтруизма! Как высока в нем эта ежеминутная готовность жизнь свою пожертвовать на пользу обез-

* противоречия (*лат.*). — *Ред.*

доленного мужика! — Боже, какую массу подобного рода не только приват-доцентов, но экстраординарных и обычных профессоров найдете вы во всех российских университетах! Вспомните хотя бы блестящего Заречного в романе г. Станюковича «Жрецы». Ипполит Сергеевич Полканов является перед нами тем же самым Заречным.

ХИ

Рассказ начинается тем, что приезжает Полканов на летние каникулы в имение к сестре своей, помещице, только что потерявшей мужа и вызвавшей брата помочь ей в ее внезапном вдовстве. Он приехал, мечтая усердно заниматься своей наукой и с честью приготовиться в течение лета к лекциям, но неожиданно встретил в деревне роман, весьма для него прискорбный и скандальный.

По соседству от сестры его, Елизаветы Сергеевны, проживал помещик, полковник в отставке, разбитый подагрой, Олесов, и у него была дочь Варенька, которая и является героиней рассказа. С первого же своего появления она поразила и взволновала своего героя своею блестящею красотою, но, по мере знакомства с нею, Полканов был поражен ее неразвитостью, ее невежеством и допотопными рутинными взглядами на вещи в помещичьем духе.

На самом же деле это была непосредственная натура, богато одаренная, возросшая свободно среди полей и лесов деревенской глуши, без всякого воспитания и какой бы то ни было дрессировки, как любое роскошное дерево, красующееся в помещичьем парке. Физически сильная и здоровая, как удалая Поляница народных былин, выходившая на поединок с богатырями, в нравственном отношении безукоризненно чистая и девственная до наивности, Варенька ничем не напоминала собою изнеженных помещичьих барышень: была неутомима и в ходьбе, и в гребле, и в каких бы то ни было физических работах; никого и ничего не боялась; держала в то же время в своих руках все хозяйство по имению, по случаю болезни отца, которого возили по комнатам в колясочке, и все время, таким образом, было занято у нее солидным мужским делом, не имеющим ничего общего с теми дилетантскими занятиями и развлечениями, каким услаждают свои досуги наши провинциальные интеллигентные барышни.

XIII

Взгляды на вещи и убеждения Вареньки, как мы уже сказали выше, были самые допотопные, патриархально-помещичьи, навеянные средой, ее окружавшей. Мужик, по ее мнению, должен работать, ученый учить, а губернатор смотреть, все ли делают то, что нужно. Романы она предпочитала французские на том основании, что у французов герои настоящие, они и говорят не так, как все люди, и поступают иначе: они всегда храбрые, влюбленные, веселые, а в русских романах герои — простые человечки, без смелости и без пылких чувств, некрасивые, какие-то глупые, мешковатые; всегда им тошно, всегда они думают о чем-то непонятном и всех жалеют, а сами-то жалкие-прежалкие.

— Читали ли вы, — говорила она. — Фортюнэ-де-Буагабэя? Понсон-де-Терайля? Арсена Гуссэ? Пьера Законна? Дюма, Габорио, Борна⁶? Как хорошо. Боже мой! Подождите... знаете что? Мне в романах больше всего нравятся злодеи, те, которые так ловко плетут разные ехидные сети, убивают, отравляют... умные они, сильные, и когда, наконец, их ловят, — меня зло берет, даже до слез дохожу. Все ненавидят злодея, все идут против него — он один против всех. Вот — герой! А те, другие, добродетельные, становятся гадки, когда они побеждают... И вообще, знаете, мне люди до той поры нравятся, пока они сильно хотят чего-нибудь, куда-нибудь идут, ищут чего-то, мучаются... Но если они дошли до цели своей и остановились, тут они уже не интересны и даже пошлы.

Не любила она также читать о мужиках... Что может быть, — говорила она, — интересного в их жизни? Я знаю их, живу с ними и вижу, что о них пишут неверно, неправду. Они такими жалкими описываются, а они просто подлые и их совсем не за что жалеть. Они только одного и хотят — надуть вас, украсть у вас что-нибудь. Клянчат всегда, ноют, гадкие, грязные... как они мучат меня иногда, если бы вы знали! Противные до того, что я так бы всех их и прогнала куда-нибудь...

Тем не менее натура у нее была добрая. По крайней мере, те самые мужики, о которых она так презрительно отзывалась, а провинившихся из них собственноручно стегала нагайкой, за что-то любили ее. Однажды, когда ей было всего семнадцать лет, привезли к ним на двор скрученного веревками конокрада, всего избитого, в крови; она дала ему стакан водки, велела горничной обмыть его лицо, потом долго плакала о нем и молилась Богу, чтобы он убежал. Здесь, нужно сказать, г. Горький

прокатился немного на своем любимом коньке пристрастия к босякам и бродягам, заставив барышню вспомнить об этом эпизоде как о своей якобы первой любви. Это немного слишком. Но сам по себе этот эпизод довольно правдоподобен, хотя, насколько нам известны девушки подобного типа, мы знаем, что они относятся с такою же гуманною жалостью и участием не к одним излюбленным г. Горьким конокрадам, но и ко всем мужикам, заслуживающим этих чувств.

XIV

Пленившийся красотой барышни, свободолюбивый герой наш сейчас же распустил свой великолепный павлиний хвост и начал ораторствовать перед нею о несправедливом распределении богатств, о бесправии большинства людей, о роковой борьбе за место в жизни и за кусок хлеба, о силе богатых и бессилии бедных и об уме — руководителе жизни, — подавленном вековой неправдой и тьмой предрассудков, выгодных сильному меньшинству людей, все поработающих. Но все эти блестящие речи отскакивали от девушки, как от стены горох, не производя на нее ни малейшего влияния. И это происходило вовсе не потому, чтобы в речах этих не было глубокой правды или что девушка так заскоружла в своих предрассудках и была так умственно ограничена, что не в состоянии была усвоить всего. Происходило это от двух причин: во-первых, от того, что речи героя шли не из души его, были чужды того энтузиазма, который увлекает за собою всех и все, а представлялись именно радужным хвостом блестящих фраз, рассудочно-холодных и бесстрастных; а во-вторых, нужно принять во внимание то, что пышный хвост этот был привязан к жалкой пигалице, какой представлялся Полканов в глазах Вареньки.

Идеалом ее был мужчина высокий, сильный; он должен говорить громко, глаза у него должны быть большие, огненные, а чувство смелое, не знающее никаких препятствий.

Пожелал и сделал — вот мужчина. Сила — вот что привлекательно, говорила она; теперешние мужчины рождаются с ревматизмом, с кашлем, с разными болезнями — это хорошо? На фигуру Полканова она все время смотрела с нескрываемым презрением. Так, описывая бранные подвиги своего отца, она заявила, что любит войну, и если будут воевать, то уйдет в сестры милосердия.

— А я тогда поступлю в солдаты, — заметил герой.

— Вы?— спросила она, оглядывая его фигуру. — Ну, это вы шутите... из вас вышел бы плохой солдат... слабый вы, худой такой...

Это задело его:

— Я достаточно силен, поверьте... — заявил он, точно предостерегая ее.

— Ну, где же? — спокойно не верила ему Варенька. Герой наш вскоре понял, что ему не покорить ума девушки своим убеждением и что в жены ему со своими заскоруждыми предрассудками она не годится. Тем не менее девушка продолжала привлекать и кружить ему голову своею красотой. Мало-малыски порядочный человек рассчитал бы, что раз девушка в жены ему не годится, то нечего ему ухаживать за нею или чего-либо добиваться от нее; но под радужным павлиньим хвостом в герое нашем таился зверь, и этот зверь не замедлил сказаться в нем в самом низком и недостойном виде. Полканов знал, что у него не было бы сил любить девушку, но в глубине его ума вспыхивала надежда обладать ею. Наивно смелое, но чуждое малейших заискиваний с ним, девственно чистое обращение с ним он принял за хитрое кокетство с ее стороны. Наконец, его нечистое воображение распалось до такой степени, что он вообразил, будто Варенька готова отдаться ему. Так, оставшись раз вместе с сестрою ночевать у Олесовых, по случаю сильной грозы, он всю ночь провозился с нелепыми эротическими мечтами. Он читал у кого-то, как однажды героиня вошла среди ночи и отдалась, ни о чем не спрашивая, ничего не требуя, просто для того, чтобы пережить момент. Варенька, — ведь в ней есть общее с этой героиней, может поступить так, и вот — вдруг и она придет, в белом, вся трепещущая от стыда и желания.

Перед утром, действительно, дверь тихо отворилась и явилась... но не Варенька, а толстая баба за сапогами и брюками героя.

Вслед за тем герой вскочил с постели, оделся и отправился гулять в парк, и надо же было случиться, что, подойдя к реке, он нашел там купающуюся Вареньку, и произошла сцена такая позорная для героя, какую он не ожидал, хотя вполне заслужил.

Исполненная гнева и негодования, Варенька требовала, чтобы он убирался, называя его гадким псом. Когда же он все-таки упорствовал и не уходил, она выскочила из воды, вне себя, свернула жгутом простыню и отшлепала его почти до беспамятства и затем ушла, сказавши ему на прощанье:

— Что... хорошо?.. Как вы придете в дом такой?.. весь скверный, грязный, мокрый, оборванный... Эх вы, жалкий... гадкий... Скажите хоть, что в воду с берега сорвались... Не стыдно ли... Ведь я могла бы убить... если бы в руки попало что другое.

Тем и кончился рассказ — развязка, не правда ли, совершенно неожиданная и оригинальная. Мне, со своей стороны, остается только пожелать, чтобы все обычные, экстраординарные профессора и приват-доценты вроде Полканова точно так же оканчивали бы свои амуры.

